

ТАТЬЯНА ГРИБАНОВА

Грибанова Татьяна Ивановна родилась в 1960 году в деревне Игино Сосковского района Орловской области. Автор нескольких книг стихотворений и прозы. Произведения публиковались в журналах «Наши современник», «Сельская новь», «Московский вестник», «Роман-журнал XXI век», «Народное творчество», «Родная Ладога», «Простор», «Подъём», «Славянин», «Берега», в газете «Российский писатель», в сетевых журналах «Великороссь» и «Камертон». Лауреат Международного поэтического конкурса «Звезда полей», Международного литературного конкурса «Умное сердце» имени А. Платонова, региональной премии имени Е. Носова (Курск), лауреат Всероссийского конкурса имени С. Есенина, обладатель специального диплома премии «Прохоровское поле». Награждена медалью «900 лет подвигу Священномученика Кукуши». Член Союза писателей России. Поэт, прозаик, публицист. Живёт в Орле.

КРЫЛЬЦО ДЛЯ АГРАФЕНЫ (Бой местного значения)

БЫЛЬ

1

Сколько Маша помнит, Аграфена Петровна, а по уличному – баба Груня, всегда мелькала перед её глазами. Грунина избёнка через дорогу от дома родителей, крыльцом на их горницу смотрится. Вся немудрёная жизнь старушки для соседей – как на ладони.

Маша не знала её молодой, для неё она во все времена – баба Груня. Говорят, красавицы такой на пять деревень было не сыскать. А сейчас – старушка, как старушка: седина, морщин на лице, что борозд на распаханной бакше. Но посмотрит порою из-под уголка ситцевого платочка так, что не возможно не рассмотреть сквозь непощадившее время её былую красу.

Замужем она никогда не была. Не успела. Степан Фролов, с которым два года хороводилась Груня, попал в плен где-то в Белоруссии на втором месяце войны, бежал, сгинул уже в наших лагерях. Девчонку, подругу Машиной мамы, она в сорок восьмом прижила. От Сергея Трифонова. Их, фронтовиков, тогда и вернулось-то всего ничего. На десять баб – один мужик в колхозе. А потому закрывали глаза счастливые, те, что дождались своих, на приспанных от их мужей ребятешек.

Продоярствовав пять десятков лет, прометавшись по тырлам от одного вымени к другому, с ранней зари до густых звёзд без продыху, бедная Грушечка не заметила, как опала, словно маков цвет, её невостреванная краса.

Дочка Любушка укатила с мужем по вербовке на крайний север, где-то, аж на Шпицбергене, на шахтах, «стригла длинные рубли». А Машину подружку Лизу подкинула с трёх лет в карман замусоленного Груниного фартука.

Приблизительно с этого возраста Маша с Грушиной внучкой не разлей вода. Живут давно в городе. Обзавелись семьями. Но это не мешает им регулярно перезваниваться и даже иногда посидеть, поболтать на кухне за чайком.

Неделю назад встретила Машу Лизавета, расстроенная, сама не своя.

– Бабу Грушу в деревне забирают. Прямо не знаю, что и делать, упрямится, ко мне не съезжает, – поделилась подруга.

– Всю жизнь сама себя защищала, а теперь не справляется? Видать, сильный противник объявился.

– Не то чтобы сильный... Хитрый и подлый.

– Это чего ж ему от Грушечки надобно?

– Помнишь Ваську Рябого? Распузатил на безнадёге стариков. Новый русский, чёрт бы его подрал! И жена ему подстать. Фельдшерница с нашенского медпункта.

– И чем же им твоя баба Груня помешала?

– Магазин, надумали, на месте её хаты ставить. Земли им, живоглотам, на деревне не хватает.

– А бабку-то куда?

– Куда, куда? В Богдановку! В дом престарелых! Говорила я ей!.. Дождалась старая, докапризничала... Позор на мою голову. Фельдшерница оформить надумала, как «бесхозную»!

– Надо бы съездить, разобраться.

– Была уж... Да куда там! Все, кто при силе, Васькой прикормлены. Попробуй, поищи правду!

– Не паникуй. наших соберём, нагрянем к выходному, застанем врасплох.

2

И нагрянули. Лиза с домочадцами, Мария со своим семейством, сманили ещё одну подругу с двумя сыновьями. На серьёзное дело собрались и народу прихватили побольше, для весомости делегации.

Перво-наперво с утречка отправились к Ваське Рябому потолковать, на лучшие струнки его души повоздействовать. Но, видать, таковые в его потёмистой душонке напрочь отсутствуют, а коли и есть, то зарылись глубоко-глубоко, чтобы совесть своей трогательной музыкой не будить.

Новенький Рябовский домина на отшибе, на Заречном раздole красуется. Огороженных угодьев – на хорошую деревню. Помещик, да и только. Видать, заприметил Васька их издалече, а может, сарафанное радио ещё с вечера сообщило, только до порога парламентариев Рябой не допустил, у ворот полчаса продержал. Два сытых, аж бока лоснятся, ротвейлера и калитку открыть не дозволили. Правда, выглянул Васькин холуй, Тимка Вертлявый.

– Кого надо? Шляетесь тут ни свет, ни заря. Отдыхает ещё Василь Григорич, воскресенье. Не велено рано будить.

– По важному делу мы. Подними Ваську-то.

– Сказано: не велено, значит, не велено. Знаем мы ваше дело! Ишь, чего удумали! На кого прёте? – и лязгнул засовом.

– Вот и пристыдили, вот и потолковали, – повторяла всю обратную дорогу всхлипывающая Лиза.

– Погоди нюниться, что-нибудь обязательно придумаем, – не сдавалась подруга.

Под вечер назначили на Грунином крыльце совет.

– Предлагаю назвать его, в связи с предстоящими военными действиями на Рябовском направлении, «Совет в Филях», – объявил Лизин сын Виктор.

– Тебе бы всё шутки шутковать, а бабу Груню скоро в богодельню силком спровадят, – осадила та сына.

3

Давным-давно Грушеньке, как одиночке, постановил колхоз срубить общими усилиями небольшую четырёхстенку. Опасались, что придавит их с маленькой дочкой рассыпавшееся отцовское жильё. Хатка получилась крошечная, но Грушенька поднатужилась и уже на свои кровные через пару годков приладила из мелкослойной сосны вдоль двух стен просторное крыльцо. С его появлением Грунина жилплощадь раздвинулась, со стороны казалось, сама хата раздалась.

Под общей кровлей с избой притулились амбар и сарайки. Всё хозяйство – под рукой. Уютный Грунин дворик, как и сама хата, любовно обихаживался: всегда выметен, прибран, словно завтра Престол-день.

Всю тёплую пору хозяйка проводила на крыльце. В дальнем застеклённом конце его Груша свостожила топчан, укрыла постилками и, отгородившись ситцевой занавеской от комарья, коротала там душевные летние ночи.

Не один год любила она на этом крыльце со своим Сергеем. Прикипела к нему накрепко, но сойтись, не сошлась. Как при живом отце трёх ребятшек осиротить? Но и самой бабьего счастья хотелось. А потому – давно поделила она с соседкой Зин-

кой, Сергеевой женой, своего любушку. Деревня знала об этом, и, как часто бывает у наших баб, то кастрошила «бесстыжую» Грушку, то до слёз жалела горемычную.

Грунина хата, до самых дальних укромных уголков, известна Маше наощупь. Десятки лет в ней ничего не менялось. Запятанная, было, за ненадобностью на чердак люлька и та, с рождением внучки снова водрузилась на привычное место. Обстановка избы не привлекала ни чем особенным. По-крестьянски просто. Лишь расшитые особым, убористым, крестом занавески, скатерти и подзоры выделяли её из всей деревни. На белые холстины розовой повитью, синеокими васильками да кипенными ромашками выстилала-выплёскивала Груня свою одинокую, нескладную судьбу-судьбинушку, с редкими, краденными у подруги-соседушки, минутами горького счастья.

С трёхлетнего возраста исползали Машутка с Лизушкой широченные, укрытые домоткаными полавочниками, намертво прилаженные к стенам лавки. Меж их ножек-стамешек были устроены задвижные дверцы, превратившие лавки в лари, где Груня хранила всякую всячину. Боковинку под левым окном хозяйка держала за прялку, наготовлявая за зиму с двух своих ярок пряжи и на свои «неслушные» ноги, и на посылку, другую в северные края дочке, и внучонке с соседской девчужкой на носки-варежки.

Несмотря на запреты бабы Груни, вставая на цыпочки, неслучные девчонки обследовали многоярусные полки над лавками. Перебили у припечки не одну тарелку из резного открытого шкафа-блюдника. Заползали даже (и не раз!), подставив табуретку, в Грунину печь, разыскивая то припрятанные к ужину медовые гарбуза,

то сковородку с зарумяненным белым наливом.

Справа от печи громоздилась подклеть, в которой зимой бляели девчоночьи игрушки – шаловливые, как и они, козлята. А с другого боку дед Сергей сладил деревянную столешницу для стряпни. Чего только на ней не громоздилось! И чугуны-чугуночки, и салонки-сахарницы, и ковши-махотки.

Последние годы Маша всё реже забегала к бабе Груне. Когда тут! Прилетит к своим: то постирать, то прибраться, то приготовить! И переделать всё не успевает. Постоянно точет мысль: «И то бы надо подладить, и это зашить-заштопать». В неоплатном долгу до конца жизни перед родными.

Повстречает бабу Груню у ворот, раскланяется и опять спешит-торопится на своё подворье. А ведь в детстве не проходило дня, чтобы за бабкиным столом земляники с молоком не похлебала, блинков её поджаристых с укропным припёком не отведала. Совесть-червоточинка буравит душу, как задумается Маша о судьбах стариков в глухомань-деревне: виноваты мы, ещё многое могущие, ещё здоровые и сильные, перед немощными и покинутыми. Виноваты...

4

Как и сговорились, к вечеру подтянулись на Грунин двор.

Показалось, с годами стал он теснее и ещё меньше. Липа у ворот так вымахала, что до её цветов, наверно, старушка теперь и вовсе не добирается. Бывало, подсаживала девчонок, чтобы липов-цвет для чая обирали. Скамейка у калитки прозеленилась, замшилась. Видать, редко на ней Груня теперь сидит, всё больше на печи.

Всегда опрятный дворик заполонил анис. Словно обронила Грунюшка, поспешая ранней зорькой на дойку, платочек бело-ситцевый да подобрать позабылася. Сад состарился и задичал. Медовки закислились, вишни-ягоды – измельчали. Лужок у калитки зарос полынью-травой. И прошла бы она ручку другую, обкосила настырную глухую крапиву да лопухи, что наглым порядком по двору рассеялась, да куда там! Не до того ей... не до того... В заброшенном саду притулилась заброшенная изба, а в ней доскрипывает свой век заброшенная бабка.

Лишь в палисаднике под распахнутыми окошками по-прежнему простушки-мальвы, что девки деревенские, водят свои цветастые корогоды. И всё так же чёрно-золотистые шмели, парни неотвязные, вьются подле них, нашёптывают в молоденькие ушки ласки ласковые, наигрывают на несмолкающих невидимых жалейках до самых потёмок свои немудрёные напевы.

Хата бабы Груни ещё полста отстоит, не подведёт, а вот крылечко обветшало: и ступеньки подгнили – через одну, и стёкла в паутинках-трещинках. Крыша ощерилась дранкой. Крыльцо заметно устало, приосело на левый угол, сгорбатилось, перила повываливались, расшатались, словно Грунины зубы. Гвозди совсем проржавели и еле удерживали доски, готовые вот-вот развалиться. Серо-перламутровая древесина застеклянела от солнца и дождей. На иссушённых боковушках-тесинках прорезались глубокие бороздки, шершавистые завитушки от сучков. Половицы рассохлись и стонали-ныли даже если двухмесячный котёнок Парамошка спрыгивал на пол с прогнившего чердака. Правда, иногда, ни с того, ни с сего мытые-перемытые крылечные полы начинали радостно чирикать, пе-

ренимая залихватские напевы озорных синиц, стаями расселившихся в подзаборных репейниках. И тогда трещины на полувыбитых стёклах улыбались, складываясь в развесёлый рисунок, а среди лопухов раскрывались удивительные лазоревые цветы. Но это случалось очень редко, когда отпускало скованную который год поясницу, и «занигумливали» шишкастые болезненные руки старой доярки Грушеньки.

Слава Богу, дикий виноград прикрыл Грунин разор. Когда-то принесла Грушенька из соседней деревни небывалый у нас кустик, приткнула позади крылечка рядом с кадушкой, под самый водосток, да и позабыла, не выращивала, не ходила за ним. А дичок, зная, сырость любил, к месту пришёлся. Как ударился в рост! До самой трубы вымахал и с каждым годом всё буйнее оплетал Грунино крылечко.

Знойкими зимами рьяные ветра срывали пожелтую листву. Казалось, морозы вот-вот погубят его оголённые корни. Но подплывал апрель, и дикарёк снова оживал. А с мая по самую глубокую осень радовал старушку развесистой кроной, терпеливо дожидаясь своего праздника, когда первые лёгкие заморозки распишут куст в такие сказочные цвета, что захватит дух.

Маша ступает на Грунино крылечко, словно и не минуло несколько десятков лет. Те же половички, та же лавка с ведром ключевой воды и погнутому алюминиевым ковшиком.

Сидят за выскобленным столом. Груня суетится, гостей мятным чаем подчует.

Июньский вечер ласков и чист, не хочется вспоминать закавыки, из-за которой собрались на этом уютном крылечке. Не верится, что старый добрый мир может быть уничтожен ради жажды наживы.

Лиза не выдерживает, подталкивает к разговору.

– Ну, у кого какая идея? Выкладывайте.

– Что тут придумаешь, кроме как взять над бабой Груней усиленное шефство, коли она в город съезжать не желает, – выдаёт Николай, муж ещё одной подруги, Риммы.

– А чтобы дом не казался заброшенным, надо бы ставенки подправить, крылечко перекроить, крышу подлатать, одним словом обиходить, – вставляет своё слово Грунин правнук Кешка.

– А ты сама-то что скажешь? – обращается Лиза к старушке.

– Да, а что тут ответить? Коли так бы – живи, не хочу, я и до сто потянула б, – улыбается баба Груня.

– Вот и ладненько, пока отпуска летние, сработаем бабушке крылечко, подсобим. Кукиш с маслом Ваське! Ишь, раскомандовался! Что хочу, то ворочу. Мы ему хотелку-то поприжмём. Мало чего ему вздумается. Пусть на своей фазенде стройку разворачивает. Простор во-он какой! – подытоживает Николай.

– Да кто ж к нему в Заречку в лавку потащится? – замечает Груня.

– Вот то-то и оно. Бойтся паразит деньги на ветер выкинуть.

– А эдаким-то бесстыжим путём карман набивать не боится! – вспыхивает бабка.

Мужская половина отправляется спать, – завтра спозаранку в лес за сухостоем, в райстрой за материалами разными. Подруги, по давней привычке, припоздняются на Грунином крылечке.

В вышине, словно пшёнка, рассыпаются дробные звёздочки. Раскатываются за звенящий неумолчными соловьями Черёму-

ховый брод, за раздушившийся конопляник, до самой Кукорихиной околицы. Засмурневшие с заката небеса, высветляются и линиялыми, стиранными-перестиранными бледно-фиолетовыми косынками колыхаются на томном июньском ветерке.

Маша прислоняется к боковой стенке крылечка и замирает от тепла, передающегося ей от согретого за день родного, знакомого до каждой трещинки крыльца. Кипучая жизнь не позволяет сбавлять заданные ею темпы, а порою всего-то и нужно – тёплым июньским вечерком посидеть на ступеньках старого крылечка и хотя бы часок никуда не лететь, не мчаться.

У деревенских всегда так велось: любимое место отдыха после повседневных хлопот – крыльцо.

Ранней весной, когда стают сугробы, и из-под них на свет Божий выползет крылечко, когда стихнет по округе предвечерний гомон, приятно притулится на порожках и слушать, слушать, как в палисаднике на кусте махровой сирени щёлкают-лопаются поспевшие почки, как где-то в невидимой дали чуть слышно разговаривают, ласково курлычут, ищущие ночлег пролётные журавки, как засыпая, потягивается, побряхтывая, престарелыми досками и перекладинами выдавшее виды крыльцо.

В сентябре тянет из сада дымком, спелой антоновкой. Крылечко завалено полосатыми гарбузами, корзинами с огородной всячиной. Сорвёшь на ходу терпкую гроздочку дикого винограда, прокатишься-проскользишь по тронутым лёгким морозцем половицам, и затоскуешь по канувшему лету, наблюдая с крылечной высоты за гуртующимися над долом птицами, за вьющейся в вишняке «богородичной пряжей» – паутинкою.

Зимой о бедолаге-крылечке почти забывают, разве что потопочут на нём валенками, пошмурыгают полынным веником, да в непогоду вывешат вымерзать на протянутой под самым его верхом верёвке постиранные половики. И стонут – попискивают половицы, жалуясь на выстуженное, улетевшее сквозь вечно распахнутую дверь тепло, на тяжесть сваленных в дальнем углу промёрзлых берёзовых поленьёв.

Маленький уютный уголок делает в любое время года более радостной нелёгкую крестьянскую жизнь. Помнится, баба Груня любила попить здесь чайку, посудачить с соседками, полузгать подсолнушков, просто посидеть на его ступеньках, послушать ночные шорохи.

И Машутка с Лизонькой крутились рядышком. Подростками обожали они здесь пошептаться о своих задушевных тайнах, о самом сокровенном. Часами могли с него наблюдать за движением облаков, мечтать о чём-то далёком, недостижимом.

А сколько песен здесь спето! Но ещё больше, чем петь, нравилось им слушать, как выводит-страдает баба Груня. Настолько завораживал её голос, что подружки не замечали: старушка пела всегда одну и ту же песню с простой мелодией и незамысловатыми словами.

*И я выйду ль на крылечко,
на крылечко погулять,
И я стану у колечка
о любезном горевать.
Как у этого ль колечка
он впоследствии стоял
И печальное словечко
мне, прощаючись, сказал:
«За турецкой за границей,
в басурманской стороне
По тебе лишь по девице
слёзы лить досталось мне...»*

Неожиданно начинавшаяся песня, словно плач, так же неожиданно затихала, зная, иссякли Грушечкины слёзы, осталось лишь воспоминание о далёкой и горькой любви.

И вот опять они, будто в детстве, сидят с бабой Груней, чай гоняют, на светлячков, что в жасминных кустах посверкивают, любят.

– А что же, бабуль, песню-то свою не позабыла? – интересуется Маша у Груни.

– Разишь такую запомятуешь? С нею жисть прожита. Помню, как не помнить... Я вот об чём радуюсь: и как только вас Господь надоумил крылечушко моё подлатать! Оно поскрипит, и я с ним, Бог даст, поскриплю ещё маленько. На ём, почитай, всю жистюшку протопталась, не одни ходоки поистёрла. Проморгнули годики... уж и вы не малолетки... – Груня чему-то улыбается про себя. – А помните, девоньки, как промеж собой спор вели, кто выше, да кто на сколь за год подрос? – бабулька отодвигает развесистые ветки плюща, – вот они зарубочки-то. Крылечко по сей день метки хранит, детство ваше, почитай, год за годом помнит.

На свет слетаются бражницы, танцуют, мечутся у лампы. Груня на крылечке всегда любила посумерничать. Пригасит, бывало, фитилек у старой керосинки и давай сказки сказывать, где услышанные, где придуманные и сама не помнит. Только знала их видимо, не видимо.

– А помнишь, бабуль, как мы тебя с именнами поздравили, какой подарок придумали? Два дня по бахче ползали.

И подруги хохочут, вспоминая, как наловили на бакше целый рой капустниц да лимонниц, запустили их в хоботную плетушку, накрыли подшалком. Пришла баба

Груня с вечерней дойки, а они, чтобы подарок не выскользнул, двери заперли, да как выпустят бабочек из корзины. Так и справляли Грунины именины на крылечке, полном порхающих бабочек.

Не раз ещё слышалось: «А помнишь?» Один за другим всплывали дни и вечера, оставшиеся здесь, под сенью этого дикого плюща.

Груни припомнилось, как выдавала она дочку замуж. Свадьбу играли, чуть ступеньки не сломали. Половицы гнулись, так лихо была дробь разгулявшаяся молодёжь. А уж частушек переслушало крылечко за два дня!

*«Мне не надо дом кирпичный,
Был бы дроля симпатичный,
Был бы дроля по душе,
Проживём и в шалаше.»*

*Ты Иванович, Иванович,
Ивановна и я,
Тебе не надо ли, Иванович,
Во жёнушки меня?»*

– Как я с им, родным, расстануся, ума не приложу, – всплакнула вдруг баба Груня, погладив растрескавшийся столбец. – Каждый скрип крылечушка, каждый вздох его помню, и оно тожить знает все мои печали-радости... Вы здесь топотали босыми ножонками... Оно родимое провожало меня на утреннюю дойку, встречало с работы тёплыми нагретыми за день ступеньками. На оцупь знаю все выщерблинки на этих выскобленных дождями перильцах. Крылечко это, что родим-человек, согрвало мне душу и помогало в самые тяжкие времена. Где бы я за день не оказалась, не примину к вечеру сюда возвратиться.

...Две недели токали топоры, стучали молотки на Грунином подворье – подлаживали обветшавшую крышу хаты, обновляли ставни-наличники, а самое главное – сработали любо-дорого новое крыльцо. Старые полусгнившие доски спалили за садом на пустыре.

Деревенские любопытничали, заглядывали на строительный гам. С дальнего конца улицы приплёлся дед Махай, бывший колхозный плотник. Не смог усидеть на своей завалинке, завидев, как к Грунину двору прокатила подвода со свежим тёсом. Прикондылял и тут же, по старой привычке, закомандовал, засуетился.

– Колька! Стропилы-то покрепшея крепи! Скоб-гвоздей не жалеи, чтобы Груни на следующие полста не знать печали.

– Чтой-то ты усхлопотался, дедуль? Как для себя стараешься! – подковыривали Махая.

– А што жа, – подхватывал дед шутку, – женчина Груша теперя богатая, эвон какие хоромины отгрохала, соберуся да к Покрову сватов зашлю. Пуцай отказать посмеить! Живо постройку по тесинке разберу!

– Об чём толкуешь, старый греховодник, – отмахивалась Груша, – одной ногой на Поповке, а туда же! Сама любовалась, не могла нарадоваться на новое крыльцо. А оно изо всей деревни на загляденье!

Сосну на корню подсмолили. Дерево рубили не всякое, с разбором. Махай с Грушениным правнуком загодя отправились в лес, высмотрели подходящее.

– Бывало, готовясь к новостройке, за пять годков делали топором на стволах затёсы-ласы. Снимали кору с деревьев узкими полосками сверху вниз, да меж ими оставляли полосы коры для сокодвига-

нья. Сосёнка-то за энти годы густо оброчит смолу, пропитает ствол. А по первопутку валили мужички просмолённую сосну да рубили из ей хаты... Свалить дерево надоть знать когда, раньше-позже сроку – гнить начнёт, а коли вовремя – самое то... Вот опять же лиственный лес... Его рубить надобно по весне, во время соков. И кора сходит, как скорлупка с яичка томлёного, и высушенная на солнце берёзка-осинка становится кость костью, каляная, крепкая, – толковал Махай о своём ремесле Грушонку (так он Грушечкиного правнука прозвал).

– А скажи-ка ты мне, Иннокентий, почему деды наши одними топориками срубы ставили, «рубили» хаты, пилы только во внутренних работах использовали, – экзаменовал он Грушонка.

– Откуда ж мне ваши премудрости знать, хоть бы современные усвоить, – уклонялся от ответа парень.

– И что жа ты за несмышлёной такой! Смекай: пила ить при работе древесные волоконцы рвёт, открываить для воды, топорик, тот насупротив – сминаить волокна, торцы брёвен и запечатываются.

– Видать, потому и гвозди в старину деревянные готовили, – сообразил Кешка.

– Ну, слава Богу, докумекал. Почаще к бабке наезжай, я тебя своему ремеслу в два счёта обучу, – загорелся дед.

Решили сладить крыльцо угловое. Прямо с него обустроили ход на гульбище. Кровля – на два ската. Один короткий, над рундуком, второй, тот, что подлиннее – над лестницей. Крышу, по настоянию старого плотника, увенчали охлупнем с небольшим коньком. Сладили и «курицы», и водомёты, прорезные и накладные причё-

лины. Всё как положено. Махай проследил, чтобы ничего не упустили.

Пока строительством занимались, заказали братьям Пахому да Кузьме Сёмкиным, двум старым мастерам-резчикам прикрыльечные украшения. К завершению работы подвезли они на телеге наличники да ставни. Залюбуешься! Будто не с деревом работали мастера, а кружево диковинное плели.

– Спокон веку крыльцо – лицо семейства, – заявили они, сгружая резные балясины, а потому должно оно быть опрятным, прибранным, красиво изукрашенным. На крышу измудрились сработать ажурный кокошник.

Груша заходила то с одной стороны двора, то с другой, не могла насмотреться на новизну, утирала кончиком подшалка слезящиеся глаза, без конца благодарила «помочников»: и строителей, и стряпух, и мальчишек, что крутились около: то инструмент подать, то за кваском в погребок слетать.

7

В конце августа, накануне Успения, работы были закончены, двор очистили от хлама, стружки вымели, остатки тёса сложили под сарайку – пригодятся в хозяйстве.

Из хаты пахло пареным-жареным. На новоселье пригласили полдеревни.

Грушенька, в новом шерстяном подшалке, в тёмно-синей штапельной кофточке в мелкий огурчик, в зелёной сатиновой юбке и в расшитом переднике сидела на крыльчке на свежеструганной лавке. Прислонясь к резному столбцу, дозволив командовать у своей печи внучке Лизавете, она прикры-

ла глаза: то ли заходящее солнышко слепило их, то ли старушка задремала. На спокойном, казалось, помолодевшем, лице её просматривалась едва заметная улыбка. Всегда напряжённые, уставшие от бесконечных работ руки безмятежно затихли на пожелтевших кружевах праздничного передника.

Лопухи и крапиву со двора выкосили, под мальвами накрыли столы. За суматохой позабыли о притихшей на новом крыльчке Грушеньке. И только когда гости расселись, обнаружили, что место хозяйки пусто.

– Виновницу-то позабыли! – всплеснула руками Лиза.

Кликнули Грушеньку. В сумерках лица её было не разглядеть и казалось, старушка издали, с высоты крыльца наблюдает за последним праздником на её дворе. Лиза заспешила к бабе Груше. Старушка не кинулась к ней навстречу, как обычно. Грушенька спала... вечным сном.

Из тёса, оставшегося от строительства крыльца, связали гроб. Досок хватило в обрез. Словно предусмотрели заранее.

Придавленная неожиданным горем деревня, вся до единого, высыпала проводить бабу Груню в последний путь.

Там же, под мальвами, где недавно собирались праздновать новоселье, накрывали поминальный стол.

Народ, возвращавшийся с погоста, издалека завидел языки пламени, внезапно вырвавшиеся в высь над крыльцом Груниной хаты. Отстоять усадьбу не удалось.

Через полгода на её месте Васька Рябой развернул долгожданную стройку.